

14 октября в Рахманиновском зале Московской консерватории состоялся авторский концерт народного артиста России, профессора Алексея Николаева. В программу вошли хоровые сочинения композитора: "Три хора на стихи И. А. Бунина" (1982), концерт для хора "Венок Алябьеву" (1987), музыкальная драма "Пещное действо" (1992), которые прозвучали в исполнении солистов и хоровых коллективов Академии хорового искусства и Большого детского хора Российской телерадиокорпорации, дирижеры В. Попов и Л. Контарович.

Хотя эти сочинения и звучат уже не впервые — "Венок Алябьеву" исполнялся на Фестивале отечественной хоровой музыки в 1990 году, а "Пещное действо" в 1992 г. на фестивале "Согласие", — но вниманием исполнителей автор отнюдь не изоблаван.

В свою очередь и "Пещное действо" как жанр не изоблаван вниманием композиторов. В XX веке к нему обращались лишь трижды — в начале, в середине и в конце века. Тем интереснее, как и что каждый раз заново высвечивалось в этом, казалось бы, забытом обряде.

Кастальский, как известно, воссоздал "старинный церковный обряд", изложив его по сохранившимся в рукописях напевам (1909). Как сказано в статье "О моей музыкальной карьере и мои мысли о церковной музыке", "Пещное действо" "было заказано А. И. Успенским, директором Московского археологического института. Это действо несколько раз было исполнено в должной обстановке, с костюмами отроков и халдеев, с демонстрацией горячей печи; обрядовой частью руководил преосвященный епископ Трифон. Исполнение пользовалось очень большим успехом". В связи с этим можно вспомнить, что около года тому назад, 28 декабря 1997 года, после долгого перерыва "Пещное действо" А. Кастальского вновь прозвучало в исполнении ансамбля духовной музыки "Благовест".

Второе обращение к этому жанру связано с именами Прокофьева и Эйзенштейна и кинофильмом "Иван Грозный" 1942—1944). Самостоятельного и полноценного "Пещного действа" тогда не появилось — в знаменитой сцене в Успенском соборе был представлен лишь фрагмент целого,

что, однако, не уменьшает его исторической значимости, ибо именно он напомнил о сути давно запрещенного церковного жанра и сопоставил библейского деспота с реальным Иваном Грозным, что, в свою очередь, породило весьма прозрачные ассоциации с реальным — уже не на киноэкране, а в жизни — грозным и коварным "отцом народов". Уже это само по себе было несказанной смелостью, которая могла повлечь гнев нового Навуходоносора.

"ПЕЩНОЕ ДЕЙСТВО" РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ

Николаев не отдал пальму первенства ни одному из этих подходов, но как бы объединил их. Его "Пещное действо" не только вновь, теперь уже на исходе столетия, сокрушившего многих довлевших над ним идиологов, напомнило слушателям о самом существовании жанра и его сути, но и благодаря многочисленным музыкальным и словесным ассоциациям и аллюзиям позволило воспринять непреходящую актуальность сюжета, отчетливо услышать современные его обертоны и увидеть в нем всполохи недавней отечественной истории. Действительно, ведь здесь — "золотой болван", бессмысленно поклоняющиеся ему подобострастные сатрапы, доносчики всех мастей, "товарищи" (так в летописи!) халдеи, прислуживающие у печи; есть истинная и ложная вера, есть непреклонные отроки, наконец, есть и крушение кумиров на глиняных ногах. Также и в музыкальной части: "начиная с весьма прозрачных ассоциаций с темами нашествия у Шостаковича и кончая, хотя и мимоходом, краткой, но однозначно воспринимаемой строкой "идол всегда живой" на мотив известной песни о вожде пролетарской революции, который, как известно, был и одним из родоначальников

красного террора.

Весь этот ассоциативный пласт в немалой степени был подготовлен и оттенен программой первого отделения, где в проникновенной интерпретации хора студентов АХИ под управлением Л. Контаровича прозвучали "Три хора на стихи И. А. Бунина" и "Венок Алябьеву". О замысле последнего композитор писал, что хочет отдать в нем "справедливую дань памяти замечательному музыканту, пронесшему через все жизненные несправедливости, испытания и гонения веру в свое призвание и свет своего таланта".

Следует отметить, что исполнители "Пещного действа" — а это были хор мальчиков и мужской хор Академии хорового искусства, Большой детский хор Гостелерадио и шестеро солистов — буквально заполнили всю сцену, так что автору пришлось даже отказаться от вставных инструментальных "симфоний", и вся оркестровая нагрузка легла на партию фортепиано (Любовь Венжик). Не удалось осуществить и столь напрашивающиеся здесь, сколь и немудреные элементы сценического действия и скромной театральной атрибутики. В целом же в небольшом Рахманиновском зале звучание было намного интереснее, ярче и компактнее, чем на премьере в просторном Колонном зале, хотя порой давала о себе знать противоположная крайность — несоразмерная с акустикой этого зала сила звука внушительного состава хора. Весьма выразительно выступили солисты: возвышенный и музыкальный Валя Гудков (Даниил, он же Ангел), умирительное трио отроков (пятиклассники Ярослав Абаимов, Вася Максимов, Антон Иванов), два халдея (Д. Корчак, В. Ладюк). Малосимпатичным, в том числе и вокально, как ему и положено по роли, был представлен царь Навуходоносор (Михаил Шашков).

В заключение концерта прозвучало новое сочинение А. Николаева — "Вокализ и многолетие", на титуле которого стоит посвящение большому, бескорыстному и преданному другу автора, художественному руководителю всех выступавших в этот день коллективов Виктору Сергеевичу Попову, который, взмоливший, уставший и счастливый, принимал после концерта поздравления многочисленных поклонников.

А. ТЕВОСЯН.

Рос. муз. газет. — 1998. — № 10. — с. 6